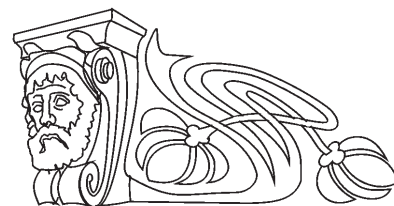

УДК 141.319.8

Человек и общество в цифровую эпоху

Б. В. Марков

Марков Борис Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, b.markov@spbu.ru

Новые медиакоммуникации отрывают людей от связи с почвой и историей, с производством и классовой борьбой. Общество превращается в гигантскую инсталляцию, где в игровой и вместе с тем в гиперреальной форме сосуществуют и конфликтуют самые разнообразнейшие сообщества со своими правилами игры. Все это заставляет пересмотреть основные понятия социальной философии. Несмотря на рост благосостояния, отчуждение не исчезает, а, наоборот, получает новые формы. Во-первых, уже не труд, а потребление становится мотором экономики; во-вторых, характер труда изменился. Интернет – это средство труда и развлечения. Трудно сказать о времени, которое некоторые проводят, сидя по ночам у экрана: является оно рабочим или, напротив, свободным. И все же не стоит спешить с утверждением об окончании эпохи капитализма, который якобы плавно переходит к демократическому социализму. Наоборот, рынок освоил то, куда раньше не проникал. Потребление и развлечение – это сегодня чуть ли не главный сегмент рынка. Очевидно, что сидящие в социальных сетях люди заняты производством общества и по-прежнему сами себе куют «золотые цепи».

Ключевые слова: человек, общество, культура, коммуникация, образование, гуманизм.

Поступила в редакцию: 23.03.2020 / Принята: 20.04.2020 /
Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-143-148>

Философия должна выражать «дух времени», ее главная задача – концептуализация опыта современности. Судя по широте словоупотребления, «цифровизация» – это не понятие, а метафора, посредством которой мы пытаемся постигнуть то новое, что уже наступило, но не получило четкого описания. Чтобы не получилось, как с «глобализацией», следует конкретизировать значение общих понятий и показать, как протекают процессы «цифровизации» культуры в разных регионах и общественной жизни. Гуманитарии в большинстве своем рассматривают новые медиа как нечто враждебное гуманизму. Цифровые технологии заставляют человека мыслить алгоритмами, наподобие компьютеров. При этом калькуляция не сопровождается понимани-

ем смысла. Философы видят опасность в утрате критического мышления, филологи и историки предупреждают об опасности зрелищ, сожалеют об утрате книжной культуры. Цифровые технологии превращают общество в машину по производству и переработке информации. В результате под угрозой оказывается само государство. Существуют и другие опасные тенденции, в частности индивидуализм и аномия.

Несмотря на то, что каждый из нас живет в искусственной окружающей среде, какой является социальная реальность, мы плохо понимаем, в каком обществе живем. Согласно либеральной модели гражданское общество начинается с того, что люди добровольно подчиняются законам, но это опровергается уже тем, что общественный договор никто лично не подписывал, а между тем любой человек вынужден соблюдать законы и нормы поведения, принятые в обществе, где он родился. Делиберативная модель коммуникации также не соответствует реальности, ибо классическая публика, вдумчиво обсуждающая литературные, экономические и политические новости и события, возникла в эпоху Нового времени и осталась в прошлом. Публичная дискуссия на арене современных массмедиа напоминает не афинскую агору, а римский Колизей.

Представители структурализма и системной теории общества доказывают, что современное дифференцированное общество основано не на личных, а на формальных отношениях. Наоборот, сторонники органического подхода считают, что общество – это общность, основанная на дружеских, горизонтальных отношениях, а государство – это система властных вертикальных отношений господства и подчинения. Если обратиться к истории, оказывается, что в основе больших человеческих объединений лежит насилие. Чаще всего дружины воинов устанавливали порядок на завоеванной территории. Мыслители консервативного толка и традиционалисты считают такие союзы идеальными формами общности и хорошими способами жить вместе.

Несмотря на разные названия («постмодерн», «постиндустриальное общество», «информационное общество»), мы понимаем, что они не отвечают на вопрос: что такое наше общество сегодня? Но и отбрасывать их в пользу новых описаний тоже нельзя. Необходимо вы-

яснить возможности одного описания с позиции другого. Призывы к пересмотру классического определения общества как совокупности граждан, заключивших общественный договор, тезисы о смерти социального и политического не просто указывают на некое слепое пятно в наших размышлениях, но и отражают объективное состояние общества, в котором мы живем. Можно указать два препятствия понимания: во-первых, неопределенность политики, во-вторых, трагизм или абсурд существования. Можно предположить, что подобно постиндустриальной революции, сделавшей марксизм неактуальным, цифровая революция устранил источник протеста и приведет к обществу, о котором мечтали утописты. Но столь же правдоподобно альтернативное предположение, что ничего не меняется, более того, становится еще хуже.

Дискурсы об обществе

Среди разных моделей формирования буржуазного общества наиболее популярна концепция М. Вебера о роли протестантской этики в становлении цивилизованного капитализма. Капитал используется не как средство удовлетворения личных желаний, а как нечто священное, способствующее общественному благу и реализации моральных ценностей. В Америке наиболее интересные теории общества развивали Т. Парсонс и Д. Мид. Во Франции господствовали структуралисты и постструктуралисты, а в Германии наиболее развернутые и продуктивные теории общества разработали Ю. Хабермас и Н. Луман.

Согласно концепции Хабермаса, которая представлена в его ранней работе «Структурные изменения публичной сферы», общественность (*Offentlichkeit*), являющаяся основой позитивного права, перед которым все равны (и подданные, и сам правитель), сложилась на почве любви к литературе как художественная публика [1]. Романы учат выражать свои уникальные чувства на общепонятном языке, их чтение нормализует страсти и желания. Таким образом, автономные индивиды складываются в сообщество, состоящее из читателей, авторов и критиков, представляющих требования художественного вкуса. Кроме романов, публикуемых в журналах, важную роль в эстетическом образовании публики играли театры, а также различные выставки и концерты.

Параллельно развивается другой процесс цивилизации, описанный Н. Элиасом [2]. Цивилизованное (куртуазное, галантное) поведение становится нормой сначала в рамках придворного общества и постепенно охватывает все более широкие слои населения. Придворное общество

было не слишком многочисленным и к тому же закрытым, но по его образцу строятся сначала дворянские, а затем и буржуазные салоны, посетители которых кроме литературных сочинений обсуждали научные открытия, политические новости, светские скандалы и т.п.

Было бы ошибкой думать, что общество возникает только на почве любви к искусству и литературе. На самом деле все большее значение получали экономические интересы, которые формируются и реализуются в рамках рыночной экономики. Торговля предполагает приобретение и продажу, риск и расчет, обман и доверие. Этот парадокс решается путем создания системы договоров, кредитов, расчетов доходов и расходов и иных методов двойной бухгалтерии. Буржуазный роман способствует обмену индивидуальным опытом по части приумножения экономических благ, главное, нормализации переживаний, связанных с желанием обладания ими. Мир страстей выносятся на широкую публику и обсуждается. Слой публики – это первое объединение свободной общественности, которая решает драматический конфликт между благами частной жизни и общественными добродетелями. Жизнь общества должна определяться не указами и распоряжениями государственной бюрократии, а публично одобренными законами, главными среди которых являются равенство и свобода индивидов, неприкосновенность их жизни и собственности.

Переписка, которую ведут образованные слои общества, касается их частных интересов. При этом они обмениваются своими личными переживаниями, и таким образом внутренний мир страстей получает выражение в языке. Благодаря письмам и разговорам, а затем и романам происходит моральная и социальная оценка тех или иных решений и поступков, а также учет их экономических последствий. Буржуа – это говорящее сословие. Сценой резонирования служат разного рода клубы, салоны, кофейни, пабы. Там складывается общественное мнение, которое постепенно становится важным политическим фактором. Возникло понятие «гражданское общество», которое представлялось как противоположность государству, опирающемуся на насилие и принуждение.

Экономические новости – это тоже товар, который можно выгодно продать. Сначала они являются тайной, но потом публикуются и продаются в форме газет. Их издание становится прибыльным делом, и рынок накладывает свой отпечаток на критерии информации. В газетах ценятся уже не столько точность и достоверность, сколько необычность историй. Растущая

популярность газет и журналов привлекает и государство. Оно живет налогами, поэтому поддерживает торговлю и ремесло, но не забывает и о политических интересах. Отсюда регламент и цензура.

Разрушение буржуазной публичной сферы, которая была посредником между обществом и государством, обеспечивала консенсус благодаря критическому анализу решений, принимаемых правящим классом, было вызвано коммерциализацией книжных, журнальных и газетных издательств, политизацией публичной сферы и бюрократизацией власти. К этому можно добавить появление классов и партий. Последние тоже эволюционировали и превращались в парламентские фракции, которые представляли самих себя. Политика становится репрезентативной, элита, вожди, парламентарии не рассуждают, а демонстрируют волю и интересы различных слоев общества. На смену дискуссиям приходят PR-технологии, которые берут за образец рекламу, превращают идеологию в пропаганду и таким образом формируют общественное мнение и желания, на которые потом ссылаются для оправдания политики. Парламент и партии бюрократизируются, они управляются функционерами и поэтому решения являются политическими, а не общественными. В целом тенденция состоит в политизации общественного мнения и одновременно в обобществлении политики. Частное становится политическим, а политическое частным. Приватная сфера превращается в арену борьбы монополий, а политическая арена – в объединение частных интересов.

Если делиберативная модель Хабермаса сегодня уже не столь актуальна, как в эпоху перестройки, то системная теория Н. Лумана, наоборот, представляется более привлекательной в современных условиях. По Луману общественные подсистемы подсоединяются не напрямую, а опосредованно. Одна становится для другой «окружающей средой», освоение которой опосредуется разного рода фильтрами и мембранами [3, с. 280]. Для теоретиков, настаивающих на междисциплинарности и единстве знания, урок состоит в том, что здесь нет речи об унификации и, тем более, об интеграции. Системную теорию можно интерпретировать как объединение на основе принципа дополнительности: одна теория лучше работает в одной области, другая – в другой. Например, либеральный проект приемлем в нормальном состоянии общества, коммунистический годится для размышлений о будущем, а консервативный – в кризисной ситуации, когда требуются более решительные

действия и даже применение насилия. Здесь приходится выбирать не между плохим и хорошим, а между худшим и наихудшим.

Общество потребления

Прежде всего возникает вопрос: как сегодня создается общество, что можно считать работой по его производству или воспроизводству? Поскольку доля тяжелого труда уменьшается, то ясно, что ставка делается на потребление и развлечение. Еще Маркс заметил, что рабочий участвует в создании общества не только на работе, но и когда ходит за покупками. Для развития капитализма необходимо не только повышение производительности труда, но потребление того, что производится. Что происходит, если работа, покупка товаров и даже развлечения, общение осуществляется с помощью Интернета? Можно ли представить общество, состоящее из городских индивидуалистов, проводящих дни и ночи перед экранами мониторов? Можно ли назвать это работой вообще, тем более работой по созданию общества?

Наконец возникает вопрос о судьбе государства в условиях перехода к новым формам управления. Конечно, радует сокращение аппарата и возможность оформлять документы в электронном виде. Зато пугает расширение возможностей наблюдения и контроля. Человек превращается в цифру, в данный ему номер, который обозначает не его уникальные душевные качества, а экономические и политические возможности. Но не упраздняет ли само себя и государство, позиционируемое как предприятие по оказанию услуг?

Столь же глубокая трансформация происходит в сфере публичной коммуникации. Само появление развлекательных журналов, комиксов и желтой прессы делает ненужной способность суждения, так как они производят товары, предназначенные для потребления. Массовая культура радикально трансформирует не только произведения искусства, но и способности человека. Появляется особый тип читателя, который стремится развлекаться и получать удовольствие от текста. Соответственно, власть использует не столько идеологию, сколько мифологию естественного языка как средство влияния на желания и настроения людей. Это и есть то, что Адорно называл «управляемым обществом». Кино, телевидение, Интернет используются в целях манипулирования людьми. Лучше всего это видно на примере рекламы. Первоначально она использовалась для продажи экзотики, надежность основных товаров гарантировалась известными производителями.

По мере осознания роли желания затраты на рекламу увеличиваются быстрее, чем расходы на производство более надежных изделий. По образцу рекламы формируются и политические технологии, благодаря чему публичная сфера напрямую вторгается в частную жизнь. Новые медиа не нуждаются и не используют процедуры рефлексии, критики, аргументации, они влияют на поведение людей так сказать магнетически, формируют желания и настроения, не прибегая к утомительным дискуссиям общественности. На место эстетов, художников и критиков приходят менеджеры и социальные дизайнеры. Кажется, именно так сбывается мечта о встрече искусства и жизни. Однако претензии искусства на подлинность становятся смешными перед лицом циничных требований экономики и эксцессов массового вкуса. Потребительский подход к культуре привел к развитию индустрии искусства и шоу-бизнеса.

Реформа образования

Свою специфику имеет «цифровизация» образовании [4, с. 403–407]. Негативный опыт реформ свидетельствует о том, что новая система должна не вытеснить старую, а подсоединиться к ней. Компьютерные технологии позволяют радикально модернизировать процесс образования, и эти возможности реализуются на наших глазах [5, с. 16–72]. Переход на новые формы хранения и поиска информации – неизбежный, закономерный этап развития знания [6, с. 115]. Сегодня 90% книг, хранящихся в библиотеках, не используются. Информации так много, что держать ее «в уме» не может ни один человек. Отсюда создание автоматических обработчиков, переводчиков, поисковых систем. Однако и Интернет напоминает гигантскую свалку, в которой трудно отыскать нечто действительно важное. Глупо надеяться на прорыв и тем более на первенство, развивая цифровую экономику и пренебрегая развитием производства. Точно так же в образовании. Помимо использования компьютерных технологий необходимо сохранять и развивать традиционные методы, способствующие пониманию смысла.

По мнению большинства гуманитариев, новые медиа и созданные с их помощью интерактивные образовательные программы являются главными причинами падения качества образования. Если школьники и студенты перестают читать книги и слушать авторские лекции, то крах образования неизбежен. Учебники превращаются в комиксы, а лекции в презентации. Появилось слово «видиоты», означающее пользователей компьютерных обучающих программ.

Оглупляющее влияние видеокультуры чувствуется в том, что зрелища скорее бестиализируют, чем гуманизируют детей. Но можно посмотреть на дигитализацию позитивно [7, с. 261]. С машинами, как и с природой, следует жить в согласии [8, с. 124]. Будучи существом незавершенным, не приспособленным к естественной окружающей среде, человек успешно развивался благодаря технике. Новые медиа – инструменты принципиально нового качества. Они конструируют собственную реальность, которая определяет поведение людей. Эти негативные последствия необходимо контролировать и нейтрализовать. Тем не менее нельзя отрицать, что интерактивные образовательные программы избавляют от нудного труда и оставляют больше места для творчества. Следствием этих рассуждений может быть рекомендация, как реформировать систему образования, чтобы не тратить время на обучение тому, что могут делать машины, а научиться пользоваться ими для решения человеческих задач.

Заключение

Среди различных вопросов, возникающих в разговорах о возможностях и последствиях развития цифрового общества, можно выделить наиболее часто обсуждаемые проблемы: во-первых, сращивание технологий с капитализмом; во-вторых, оглупляющее воздействие массмедиа; в-третьих, генетическое конструирование человека. Сегодня мы вступаем в постчеловеческую, постгуманистическую фазу развития. Новые цифровые технологии отбрасывают прежние представления о человеческих качествах. Балансируя между односторонними оценками, необходимо реконструировать маршруты соединения человека, социальных институтов и техники.

Технологии и рынок вплетены в общественную жизнь, но не окончательно ее разрушили. Наоборот происходит укрепление общих ценностей, противодействующих катку гипермодерна. Наблюдается протест против новых форм рабства и варварства. Во-первых, это возмущение тем, что человек лишен политического достоинства. Во-вторых, неприятие экономического унижения в капиталистической экономике. В постмодерных обществах к этому добавился третий протест – против коммуникативного насилия со стороны массмедиа. П. Слотердаjk писал: «Косвенное влияние глобализованного капитализма заключается в том, что и духовность сегодня выступает надпатриотичной, постнациональной и постимперской» [10, с. 470]. В России, где

предпринимаются попытки реанимации уваровской триады [9, с. 486], в Европе и в Америке, где имперские амбиции тоже возрождаются [11, с. 360], новые формы единства следует продумывать в аспекте «культурной иммунологии», позволяющей сбалансировать модернизацию и сохранение идентичности.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Нелиберальные концепции толерантности: история, практика, перспективы» № 19-011-00779).

Список литературы

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М. : Весь мир, 2016. 424 с.
2. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. Т. 1. 324 с.
3. Луман Н. Самоописания. М. : Логос, 2009. 320 с.
4. Устьянцев В. Б. Топосы современного социума : рефлексия путей информатизации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 143–148. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-143-148>
5. Федоров И. Б., Еркович С. П., Корицунов С. В. Высшее профессиональное образование : мировые тенденции (социальный и философский аспекты). М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1998. 368 с.
6. Боуэн Уильям Г. Высшее образование в цифровую эпоху / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 224 с.
7. Философия творчества. Ежегодник. Вып. 4, 2018: Лики творчества в многообразии социокультурных практик / под ред. Н. М. Смирновой, И. А. Бесковой. М. : ИИнтелЛ, 2018. 422 с.
8. Соколова Н. Л. Популярная культура Web 2.0 : к картографии современного медиаландшафта. Самара : Самарский ун-т, 2009. 204 с.
9. Папаяни Ф. А. Имперское будущее России. Противоборство идеологических проектов XIX–XX вв. М. : Русская цивилизация, 2019. 560 с.
10. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть : Диалогические исследования. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 608 с.
11. Варандж (Френсис Паркер Йоки). Imperium. Философия истории и политики. СПб. : Русский Мир, 2017. 543 с.

Образец для цитирования:

Марков Б. В. Человек и общество в цифровую эпоху // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 143–148. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-143-148>

A Man and Society in the Digital Age

B. V. Markov

Boris V. Markov, <https://orcid.org/0000-0003-3755-6742>, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034, Russia; 41 Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41 Bolshaya St.-Petersburg St., Veliky Novgorod 173003, Russia, b.markov@spbu.ru

New media communications take people away from their background and history, commercial manufacturing and class struggle. Society turns into a giant installation. There, a wide variety of communities coexist and conflict in a playful and, at the same time, hyperreal form, following their own rules of the game. All this forces us to revise the basic concepts of social philosophy. Despite the increase in prosperity, alienation does not disappear. On the contrary, it gets new forms. Firstly, it is no longer labor, but consumption that becomes the engine of the economy, secondly, the nature of work has changed. The Internet is a means of work and entertainment. It is difficult to say if the time, spent in front of the screen of the computer at night, is working or free? And yet we should not rush to the statement that the era of capitalism has come to its end, smoothly turning into democratic socialism. On the contrary, the market has mastered the sphere it had never penetrated before. Consumption and entertainment are considered

to be the main segment of the market today. It is obvious that people, using social networks, are involved in producing society, and continue forging their own “golden chains”.

Keywords: man, society, culture, communication, education, humanism.

Received: 23.03.2020 / Accepted: 20.04.2020 /
Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (the project “Illiberal concept of tolerance: the history, practice and prospects” No. 19-011-00779).*

References

1. Habermas Yu. *Strukturalnoe ismenenie publichnoy sferu. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obschestva* [Structural change in the public sphere. Research on the category of bourgeois society]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2016. 424 p. (in Russian).
2. Elias N. *O protsesse tsivilisatsii. Sotsiogeneticheskie i psichogeneticheskie issledovaniya* [On the process of

- civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaja kniga Publ., 2001, vol. 1. 324 p. (in Russian).
3. Luman N. *Samoopisaniya* [Self-descriptions]. Moscow, Logos Publ., 2009. 320 p. (in Russian).
 4. Ustjantsev V. B. Toposes of Modern Society: The Reflection of the Ways of Informatization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 403–407 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-403-407>
 5. Fedorov I. B., Yerkovich S. P., Korshunov S. V. *Visshee obrazovanie: mirovye tendentsii: (Sotsial'nyi i filosofskii aspekty)* [Higher vocational education: world trends. Social and philosophical aspects]. Moscow, Izdatel'stvo MGTU imeni Baumana, 1998. 368 p. (in Russian).
 6. Bowen William G. *Visshee obrazovanie v tsifrovuju epokhu* [Higher Education in the Digital Age]. Trans. from Engl. D. Kralchikina. Ed. by A. Smirnov. Moscow, Izdatel'skiy dom Visshaya shkola ekonomiki Publ., 2018. 224 p. (in Russian).
 7. *Filosofiya tvorchestva. Ezhegodnik. Vyp. 4. 2018: Liki tvorshstva v mnogoobrasii sotsikolturnikh praktik.* [Philosophy of Creativity. Yearbook. Iss. 4, 2018: Faces of Creativity in the Multi Sociocultural Practices]. Ed. by N. M. Smirnova, I. A. Beskova. Moscow, IntelLL Publ., 2018. 422 p. (in Russian).
 8. Sokolova N. L. *Populjarnaja kultura Web 2: k kartografii sovremennogo medialandshafta* [Popular culture Web 2.0: to the Mapping of the Modern Media Landscape]. Samara, Samarskii universitet Publ., 2009. 204 p. (in Russian).
 9. Papayani F. A. *Imperskoe budushchee Rossii. Protivoborstvo ideologicheskikh proektov XIX–XX vv.* [Imperial Future of Russia. Confrontation of Ideological Projects of the 19th – 20th Century]. Moscow, Russkaya tsiviliatsiya Publ., 2019. 560 p. (in Russian).
 10. Sloterdike P., Heinrichs G.-J. *Solntse i smert. Dialogicheskie issledovaniya* [Sun and Death. Dialogical Researches]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2015. 608 p. (in Russian).
 11. Varange (Francis Parker Joki). *Imperium. Filosofija istorii i politiki* [Imperium. The Philosophy of History and Politics]. St. Petersburg, Russkii Mir Publ., 2017. 543 p. (in Russian).

Cite this article as:

Markov B. V. A Man and Society in the Digital Age. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 143–148. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-143-148>
